

**ИВАН
БЕВЗ**
СУПЕРГЕРОМ
ДЛЯ ГРУСТНЫХ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 36

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Орехова

ISBN 978-5-389-30783-4

© Иван Бевз, 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Настоящая книга является произведением пародийного и сатирического характера. Все персонажи, события и образы использованы в целях юмора, художественного переосмысления и не претендуют на отражение действительности. Любые сходства с реальными лицами, событиями или произведениями случайны. Автор отказывается от любых претензий, прав и обязанностей относительно использования оригинальных материалов и не несет ответственности за возможные искажения. Произведение не связано с авторами или правообладателями оригинальных образов.

ChatGPT

Командир Флэш Форвард

Раньше был хаос и неразбериха, мир не имел твердых форм и не поддавался рациональному объяснению. Черные зерна в гречке считались засохшими мышиными какашками, кости динозавров можно было найти в любой из песочниц. Тек ручеек по грязному асфальту, мешаясь с радугой бензина, — и если зажечь спичку, то будьте уверены, что ручеек обернулся бы гигантской огне-змеей. События падали с неба звездами безо всяких законов. Единиц измерения времени не было: год делился на море, шепуршение листьями, пар изо рта и цветы. Вся мебель в доме была громадных размеров, так что я мог буквально ходить под стол пешком; на стулья приходилось взбираться, а потом опасно спрыгивать вниз, рискуя тем, что сползут колготки. Типичный день состоял из пробуждения, мультфильмов, прогулок, игр во дворе, отхода ко сну. Многие действия загадочным для меня образом перемежались приемами пищи.

Однажды в ходе бесцельных брожений по дому мной была обнаружена печатная машинка «Эрика» югославского происхождения. Оранжевая, с желтоватыми клавишами из слоновьих бивней. Блестящие рычажки поманили предчувствием власти. Интуитивно я понял, что эта машина поможет мне привести мир в порядок. Заметив возню в моей комнате, родители взволновались.

— Наш сын решил сесть за печатный станок! Он будет писателем! Или драматургом!

— К чему эти ярлыки с раннего детства? Вот подрастет и сам решит, каким именно безработным он станет. И потом, этот допотопный хлам портит нам интерьеры. Я собирался выкинуть его еще на прошлой неделе. На дворе миллениум! Годик подождет — купим ему персональный компьютер.

— Компьютер вреден для глаз. Пусть машинка останется!

— Он поиграется с ней неделю и забудет, помнишь — тетрис? А тамагочи? И где они теперь? Нет, ради бога, если ты хочешь этим заняться...

Диспут вокруг моего будущего продолжался и ни к чему конкретному не вел. Я решил взять инициативу в свои руки и научился осторожно печатать. В конце концов, понаслышке мне уже был знаком алфавит.

Поначалу робко, указательными пальцами обеих рук я стал строчить сводки с по-

лей заквартирного мира. Где-то там водились настоящие динозавры, а где-то огнедышали вымышленные драконы, и я взял на себя эту миссию: наводить справки, чертить смысловые границы, прокладывать водоразделы реальности.

драконы это скаски
а диназавры ест

Таковы были мои первые послания миру. Клац за клацем, и очерки заняли все свободное от приемов пищи, прогулок и детского сада время. Я садился на ковер подле включенного телевизора, откидывал крышку чехла с «Эрики» и печатал уже не глядя, вслепую, покуда меня не призывали есть или спать. По телевизору крутили бесконечные телепередачи, викторины, сериалы и мультики, разбитые рекламой майонеза. Я любил мультики и уважал майонез — и искоса, медитативно внимал всему и ничему. На пузатом экране Том носился за Джерри, а я играл соло на выцветшей клавиатуре и ощущал себя на самом из всех своих мест. Ответы на все вопросы Вселенной были в моей голове, стоило только сесть за руль печатной машины — и они проливались на свет.

в африке очень жарко
но там водятся кенгуру лев
тигр итогдалия

Мне до сих пор imponирует слово «водятся»: как водились мои обитатели в Африке, так и мы, человекообразные, имеем привычку завестись в городах и водиться, водиться. А когда взрослые спрашивали меня, кто же такой «итогдалия», я рисовал иллюстрацию: вот вам мохнатый черный зверь с бивнями, рогами, клыками и большими-пребольшими глазами, исполненными дикой тоски... Да, редкий зверь, он выходит в ночную саванну при полной луне, он за десять верст чует чужую тоску, как завост, затопчет и как побежит! Безнадега — его рацион. Лучше б вам не встречать итогдалию, это к беде.

Другие заметки затрагивали темы мультфильмов, профессий, видов спорта, одежды. Не скрою, в моем очеркизме была графомания, я понимал это по снисходительным улыбкам от взрослых. И все же мне нравилось сидеть за югославской печатной машинкой, мне нравилось работать в телевизионном шуме, быть летописцем хаоса за квартирного мира.

Вечерами ко мне на ковер приходили родители. Мульттики сменялись детективными сериалами с погонями и перестрелками, вечерними выпусками новостей и магазинами на диване. Я писал до тех пор, пока меня не сажали ужинать и не клали в постель. Рукописи изымались и клеивались опрятно в зеленые тетради «Восход», боль-

ше я их не видел. Потом меня снова будили, сажали завтракать, водили гулять, забирали с прогулки, отпускали работать перед телевизором на ковер. Понемногу, строчка за строчкой, окружающность становилась понятной и разделенной. И была таковой, пока не настала Болезнь.

Болезнь была изнурительной, но необходимой — все говорили, что болеть ветрянкой нужно сейчас, чтобы не болеть ею потом. Я не осознавал, что такое «потом», я жил в полном несправедливости и страданий «сейчас», выражал возмущенность, но родители непреклонно мазали меня зеленкой и заставляли дышать картошкой под одеялом.

Хуже всего: Болезнь запретила мне смотреть мультики, заниматься очерками и наказала бредить, уставившись в потолок. Голова гудела реактором. Все чесалось, и нельзя было чесать ничего. В моем воображении, которое было критически воспалено, разворачивалась битва чужеродных веществ с клетками иммунной системы на кровавых плацдармах моего организма. В редкие моменты сознания я видел, как родители мне сочувствуют и пытаются меня подбодрить. Выходя из вибрирующей темноты, они появлялись в свете ночника и говорили:

- Дружок, потерпи.
- Скоро все это пройдет.

— И тогда снова сядешь за свою печатную машинку.

— И напишешь огромный роман.

— Приключенческий!

А как я узнаю, когда все пройдет? Мы ведь живем в зацикленной бесконечности будней, где события падают звездами с неба, рекламу майонеза вращают по кругу, вслед за шебуршением листьями неизменно следует пар изо рта и сугробы, но никак не наоборот. И к тому же я не видел еще, чтоб однажды начатое хоть раз завершилось: время крутится колесом, воспроизводя само себя, я не выздоровею никогда, а если и выздоровею, то только для того, чтобы вернуться в ту же болезнь. Родители пребывали в замешательстве, не зная, как мне ответить. Они разводили руками, совещались и расплывались. Потом отец ушел в вибрирующую темноту и долго в ней что-то искал. Вернулся, держа в руках нечто сияющее. И снова родители заговорили наперебой:

— Вот, держи. Часы. Командирские!

— С функцией управления временем.

— Раньше они принадлежали одному супергерою.

— Супергероя звали Флэш...

— Форвард!

— Командир Флэш Форвард.

— Но он передал их нам, сказав, что тебе-то всяко нужнее.

— Теперь командирские часы — твои. Если научишься ими правильно пользоваться, сможешь перемещаться в нужное время.

— Но только вперед! Видишь, быстрая стрелка — она управляет секундами, а та, что помедленнее, — минутами.

— А та, что стоит на месте, — часами...

Получается, одни часы управляют другими? Какой-то бред. Родители улыбались и давали напутствия, возвращались в свою темноту. Меня оставили наедине с новым устройством, и я, еще немного его изучая, постепенно проваливался в лихорадочный сон.

Во сне ко мне приходил командир Флэш Форвард. Это был высокий мужчина в серебристом трико и пилотных очках. Он говорил что-то о великой ответственности и великой печали. О том, что всегда только вперед и ни шагу, ни миллисекунды назад. Мне показалось, что он грустит, и я попытался вернуть ему командирский аксессуар, но он покачал головой и убежал в мое будущее.

А я захотел проснуться здоровым и перемотал время нудной болезни колесиком на командирских часах. Магия времени сработала, и от ветрянки на память остались только зеленочные следы. Я поднялся с кровати и, шатаясь, вышел на залитый

солнцем балкон — наблюдательный пункт своей башни. Поначалу хотелось жмуриться, но зрение смирилось, и я увидел город в ранее недоступных мне контурах. Вид представлял как с горы: футбольное поле размером с двадцать футбольных полей, желтая булочная с разлетающимся по всему миру запахом булок и вдаль, если оттянуть уголки глаз к вискам, — заповедные бирюлевские джунгли.

Мы жили на самом высоком этаже в гигантском бело-голубом доме-трансформере с легионом окон и людей. Кстати, в отличие от обыкновенных домов, мой мог превращаться в огромного квадратного робота, стрелять лифтами и передвигать ногами подъездов. Конечно, он делал это только в случае крайней необходимости. Я его за этим не заставал никогда — и, наверное, тем лучше. Главным для меня было знать, что он способен отразить любую угрозу и скрыть меня в своих бесчисленных коридорах. Так, наверное, ощущали себя средневековые рыцари, проживая в трансформере-крепости.

Мы жили в самом сонном из московских спальных районов — в Бирюлеве. Здесь по доброй воле водятся только семьи с малолетними детьми или бабушки, а иногда семьи с детьми и бабушками сразу, в комплекте. Здесь средневозрастной контингент прак-

тически отсутствует, что делает будни размеренными и сонными — спальными.

Я поспешил выйти с балкона и сообщить родителям о своем окончательном и бесповоротном выздоровлении, а как следствие — о готовности идти на прогулку. Меня осмотрели, ощупали, измерили температуру и согласились: здоров. Еще не вполне окрепшего, вывели из квартиры, спустили в лифте и проводили из подъезда на воздух.

Освобожденный из плена ветрянки, я ступал восторженно и осторожно, будто первый человек на Земле. Деревья шумели сладко зелеными листьями, солнце благословляло поверхность футбольных полей. Я болел целую вечность — две недели. Я успел забыть, как все красиво.

Из-за командирских часов я стал уверен, что теперь и время подчиняется мне, так же как подчинялось слово, что я дирижирую им, неосторожно держа за поводья. Я стал колоссален, я сделался всемогущ, я вырос, а вместе со мной Вселенная начала расширяться и усложняться.

Бело-голубой трансформер-дом встал за моей спиной Великой Китайской стеной, плотиной, заслонявшей меня от инопланетных атак, железобетон подпер небо своей пятнадцатипятиэтажестью.

Конец болезни символизировал начало новой эпохи. Я вернулся домой и напечатал

на «Эрике» краткий манифест, которым руководствуюсь до сих пор:

я теперь все могуч. я точно
буду писателем

Прочитав эти строки, родители переглянулись и сказали:

— Что ж! Значит, завтра отправляешься в школу.

С первых дней школы на поверхность всплыли все мои недостатки. Учительница по русскому Марь-Гаврилна, фигура средних лет в костюме цвета оливы, передавала родителям: «Пишет как курица лапой». Она же, но уже переодевшись учительницей математики, хмыкала: «Гуманитарий».

Школа разочаровала меня своей рутинностью и отсутствием альтернатив. Оказалось, уроки будут повторяться снова и снова, а игр и коллективного просмотра мультфильмов в программе не предполагалось. Конечно, мои одноклассники были людьми в своей массе приятными и неглупыми, но моему живому уму было среди них тесно и одиноко. К тому же выяснилось, что из школы нельзя уйти по первому желанию и порыву. Это ощущалось просто-напросто несправедливо. И пусть родители убеждали меня, что отдавать детей в школу — древняя традиция и даже им довелось пройти сквозь эти невзгоды, я оставался уверен, что мне ни за что ни про что вlepили десять лет

принудительного образования. Оно сильно отвлекало меня не только от постоянной работы по объяснению мира, но и от телевизора, игравшего все большую роль в моем воспитании. Благо у меня оставались командирские часы и напарник-супергерой, который периодически нуждался в моей помощи по спасению мира.

Иной раз сижу на изо и стремлюсь изобразить старание на своем лице, пока руки размазывают по листу неудачный эскиз. Пытался бронетранспортер, но разве ж его нарисуешь? И зачем взялся за такую сложность, нет бы, как у Овечкиной, — вазу! С другой стороны, ваза — слишком примитивно, любой дурак вазу может, на вазе не покоришь пустыню. Раз колесо, два колеса, три, пушка... Нет, опять не то. А какое было задание? Забыл. Марь-Гаврилна, облаченная на этот раз в фиолетовое платье и шляпу учительницы изо, подходит и начинает: «Бевз, это что за белиберда у тебя нарисована? Я же просила на-тюр-морт. У тебя руки откуда растут?»

Но тут за окном шум, мотор, удар — все даже встали, чтоб посмотреть. И через пару секунд в класс входит он — в серебристом трико и в пилотных очках. Вокруг дым и проекторный свет. Он снимает очки и обращается к изошнице:

— Марь-Гаврилна, я вынужден прервать ваше занятие.

— А вы, собственно, кто?

— Я — командир Флэш Форвард.

— Говорите скорее, что нужно, командир!

— Мне нужен один из ваших учеников для срочной и секретной миссии. Это будет очень опасная и невероятная миссия. Без Вани Бевза эта миссия обойтись не может никак. Большого сказать не могу: строго, секретно.

— Я все понимаю. Только скажите, эта миссия, она включает в себя спасение мира?

— А как же!

— Тогда чего вы ждете? Бевз, на выход, про натюрморт забудь, за секретную миссию ставлю пятерку.

Командир подходит ко мне и кладет на плечо свою супергеройскую руку. Он командует: «Запускай!» Я фокусирую всю силу воли на циферблате. Теперь-то уже не дурак и понимаю, куда указывают три стрелки-подруги. Под моим влиянием они начинают вращение, еле-еле, потом как сорвавшиеся с цепи псы, резче, быстрее!..

Вокруг нас — воронка, мы шагаем в субпространственный коридор, а потом отстреливаемся, убегаем, спасаем — жалко, никто этого не увидит, все происходит в мгновение невооруженного глаза. И вот я уже дома, сижу на ковре, вальяжно пишу о своих приключениях подробный отчет.

Но дальше, как ни перемещайся вперед, — одна беспросветная школа. Она будет снова ждать меня за порогом, чтобы прервать мой колоссальный труд по объяснению и спасению мира.

Мои одноклассники — как я уже говорил, люди приятные и неглупые — интересовали меня постольку-поскольку, гулянием я не увлекался, а Диснейленд, как говорили родители, слишком дорогой, чтобы быть правдой. Лично мне хватало компании телевизора и командира, но другие, включая учителей и родителей, требовали от меня социализации и соответствующих моему возрасту суперспособностей, например прилежно учиться. Будучи еще и классной руководительницей, Марь-Гаврилна вполголоса отмечала в разговорах с коллегами: «Этому в обществе будет трудно». Впрочем, в оставшиеся полголоса ее было прекрасно всем слышно.

Наконец, помимо недостатков, которые были всем так очевидны, у меня обнаружилась и одна суперспособность — сочинения по литературе.

Еще до школы родители убеждали меня, что, дескать, стихи нужно зубрить, чтобы они отскакивали от зубов, чтобы я казался, таким образом, интеллигентным и начитанным человеком и, появляясь в обществе, вставая на табурет, поправляя бабочку

и потя в белой рубашке с черным жилетом, демонстрировал, как у меня от зубов отскакивает. Ехали. Медведи. На. Велосипеде. За произносимые в обществе мантры мне выдавали пластмассовых солдатиков, по одному за стихотворение. Так на стимул поощрения у меня формировалась литературная реакция. Однако, кроме солдатиков, поэзия не представляла для меня никакой ценности. Поэты бездумно следовали рифме, пока я, очеркист, описывал наиболее достоверную версию мира.

Придя на урок литературы, я попытался донести свою точку зрения до незаменимой никем Марь-Гаврилны. Марь-Гаврилна, придумавшая специально для уроков литературы себе роговые очки и пиджак шоколадного цвета, восприняла мои воззрения холодно.

— Бевз. Я не знаю, что ты там себе напридумал. Но от того, чтобы учить стихи, ты избавлен не будешь.

Дальше шла малообоудшевляющая речь о том, что поэзия необходима современному человеку для воспитания в себе нравственности, особенно Пушкин и Фет. Что она не дает душе лениться, укрепляет неокрепший ум, тренирует память, особенно Тютчев с Некрасовым. Пытка отскакиванием от зубов продолжилась, к ней добавились сочинения. Теперь нужно было не только учить,

но еще и подробно описывать, что хотел сказать автор. Или, точнее, что мы своим неокрепшим умом смогли понять из того, что автор хотел.

Чего же тут понимать? Человеку нужна была рифма к слову «мгновенье». Он посидел, почесал бакенбарды и такой: «Виденье!» Осталось придумать, чем заполнить пространство между. И так далее. Вполне обоснованно я упрекал поэтов за неоправданные объемы, за непонимание целевой аудитории, то есть нас, школьников-миллениалов. И вообще, что за выбор слов, что за неактуальные мотивы: ум-честь-совесть-отчизна-любовь, так никуда не годится, вот бы про роботов, космос или динозавров! Фигушки. Ни одного робота на всю русскую поэзию.

Моя критика встречала цензуру со стороны Марь-Гаврилы. Красной ручкой она требовала: «Не отклоняйся от темы!» и «Чем критиковать великих, лучше б обогащал собственный словарный запас!» Я старался быть конструктивнее и мягко предлагал Есенину варианты рифм. Писал: «Видно, что поэт старался, хорошо начал, но недотянул. Вот тут: „Белая береза // Под моим окном // Принакрылась снегом...“ Но почему „точно серебром“? Это же так очевидно, так невыразительно и банально! А еще, говорят, бунтарь! Лучше так: „Принакрылась снегом // Как велоцираптор“. И сразу

Бевз И.

Б 36 Супергерои для грустных : рассказы / Иван Бевз. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 288 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-30783-4

Мальчик Ваня получает часы Капитана Флэш Форварда и сбегает со скучных уроков, чтобы путешествовать во времени (жаль, только вперед). Девочка Женечка мечтает о силе Кларка Кента, чтобы навести порядок в своем городе. Студентка филфака, изучавшая язык мертвых, зарабатывает на жизнь в бюро по организации праздников и мечтает о лучшей жизни. На улицах города появляется «дружелюбный сосед», чьи радикальные методы борьбы с несправедливостью пугают даже тех, кто мечтает о возмездии.

Миллениалы, общий сбор!

«Супергерои для грустных» — сборник рассказов для взрослых, чье детство пришлось на девяностые и нулевые, а бурная юность — на десятые. Под шум блокбастеров «Марвел», сериалов «Зачарованные», «Тайны Смолвиля», фильма «Брат» и мультфильмов про супергероев.

Это проза о нас. О том, как мечты стать супергероем или хотя бы просто героем сменяются мечтой поскорее выплатить ипотеку, вера в чудо — работой в офисе, а желание изменить мир разбивается о быт. Доставайте плакаты, перематывайте кассеты. Будем вспоминать детство, чтобы понять настоящее.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ИВАН ИГОРЕВИЧ БЕВЗ
СУПЕРГЕРОИ
ДЛЯ ГРУСТНЫХ

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Редактор Анжела Орлова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ольга Крисько, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 02.03.2026.
Формат издания 84 × 96 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 13,41. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Давиловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Давиловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

